

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ТРУДЫ ОТДЕЛА
ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

XXXIV

КУЛИКОВСКАЯ
БИТВА
И ПОДЪЕМ
НАЦИОНАЛЬНОГО
САМОСОЗНАНИЯ

905863

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1979

М. Ф. АНТОНОВА

Некоторые особенности стиля «Жития Стефана Пермского»

Долгое время в русской филологии художественная и эстетическая ценность стиля «плетение словес», развившегося в XIV—XV вв., не осознавалась. Отрицательные оценки этого стиля принадлежат В. О. Ключевскому,¹ В. Яблонскому² и другим ученым. Д. С. Лихачевым были по-новому поставлены проблемы второго южнославянского влияния и намечены пути конкретных исследований.³ Стиль «плетение словес» был включен в широкий культурный контекст эпохи и охарактеризован как экспрессивно-эмоциональный. Художественные принципы этого стиля наиболее ярко выразились в «Житии Стефана Пермского» Епифания Премудрого. Этот памятник привлек внимание ученых: ему посвящен ряд статей О. Ф. Коноваловой,⁴ книга Ф. Китч «Литературный стиль Епифания Премудрого. Плетение словес».⁵ О. Ф. Коновалова рассмотрела литературную позицию Епифания Премудрого, ряд тропов: метафору, сравнение, эпитет и амплификацию. Исследовательница пришла к выводу о традиционности метафор и сравнений и охарактеризовала стиль Жития Стефана Пермского как метафорически-символический. Ф. Китч рассмотрела творчество Епифания Премудрого на широком историко-литературном фоне, она сопоставила Житие Стефана Пермского с болгарскими и сербскими житиями — Иоанна Рыльского, Филофея, Петки, написанными Евтимием, и житиями Симеона и Саввы Доментиана. Ф. Китч считает Житие Стефана Пермского наиболее оригинальным среди произведений стиля «плетение словес». Тем не менее нельзя считать стиль этого памятника полностью изученным. Исследователи обошли стороной важную особенность художественной системы Жития — широкое использование Епифанием Премудрым лексической синонимии. Д. С. Лихачев обратил внимание на употребление синонимов и синонимических сочетаний в житиях экспрессивно-эмоционального стиля, но подробно синонимия в Житии Стефана Пермского не рассматривалась.

¹ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.

² В. Яблонский. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908.

³ Д. С. Лихачев. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. М., 1958.

⁴ О. Ф. Коновалова. 1) К вопросу о литературной позиции писателя конца XIV века. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, с. 205—214; 2) «Плетение словес» и плетеный орнамент конца XIV в. (К вопросу о соотношении). — ТОДРЛ, т. XXII. М.—Л., 1966, с. 101—111; 3) Принцип отбора фактических сведений в Житии Стефана Пермского. — ТОДРЛ, т. XXIV. Л., 1969, с. 136—138; 4) Об одном типе амплификации в Житии Стефана Пермского. — ТОДРЛ, т. XXV. Л., 1970, с. 73—80.

⁵ F. M. Kitch. The literary style of Epifanij Premudryj. Pletenje sloves. München, 1976.

Синонимия является одним из ведущих и наиболее часто употребляющихся в произведении стилистических приемов — синонимы или близкие по смыслу сочетания прописывают весь текст Жития, и авторскую речь, и речь персонажей. Епифаний Премудрый использует языковые синонимы, например «настоящая» и «грядущая», «нынешняя» и «будущая».⁶ Кроме этого, писатель создает свои, авторские, контекстуальные синонимы. Особенно богато Житие контекстуальными синонимическими сочетаниями.

Лексическая синонимия — интересный материал для исследований в области исторической лексикологии. Прием создания длинных рядов синонимов и цепей синонимических сочетаний возник на основе старого, известного уже стилю исторического монументализма приема полноты перечисления. Как рудимент стилистики первого монументализма прием полноты перечисления также используется Епифанием Премудрым, но занимает подчиненное место. «Яже суть се отци, праотци, патриарси, пророци, апостоли, евангелисты, благовестницы, проповедници, и исповедницы, мученицы, святители, учителя, священномученицы, преподобномученицы, отци святии, преподобнии и богоноснии, постници, пустынницы, идеже суть ликове избранных и души праведных» (с. 104). Этот прием реализуется в перечислении реалий, создавая избыточность, с современной точки зрения, однородной фактической информации — ссылочных сведений, данных, имеющих характер подтверждающих примеров.

Вот перечисление известных Епифанию Премудрому плачей, служащих для него образцами: «Бысть некогда плачь людем гражаном града ниневитска... бысть некогда плачь Иосифу... бысть некогда плачь Иезекиа царя израильтеска... бысть некогда плачь Давида царя... бысть некогда плачь Манасна царя израильтеска... бысть некогда плакание Ахава царя самарийска» (с. 95). Соседство двух указанных приемов стало возможным благодаря сходству определенных эстетических установок стиля первого монументализма и экспрессивно-эмоционального стиля — сходству в требованиях стилистической полноты, «сытости словесной». В указанной книге Ф. Китч не отделяет один прием от другого, по ее мнению, перечисление несинонимов призвано создать тот же эмоциональный эффект, что и ряды синонимов.⁷ Оба стилистических приема способствуют созданию ритма — эта мысль не вызывает сомнений, тем не менее между этими приемами обнаруживается принципиальное различие.

Принцип полноты перечисления фиксирует внимание читателя, во-первых, на полноте характеристики явления со стороны содержания, во-вторых, каждый из этих элементов перечисления содержит конкретизирующий смысловой момент, поэтому ни один из членов не дублирует в информационном отношении другой, но уточняет и дополняет его. Этот прием встречается в Житии Стефана Пермского и в усложненном виде. Так, он лежит в основе схемы похвалы «Пророка ли ты нареку», но каждый элемент ряда перечисления развит Епифанием в законченную синтаксическую формулу; таким образом, в этом примере прием усложнен в смысловом отношении моментом сравнения, в синтаксическом — параллелизмом.

Синонимия в Житии Стефана Пермского выходит за рамки собственно лексической синонимии и является одним из организующих художественных принципов произведения. В рядах словосочетаний может наблюдаться совмещение двух художественных принципов: синонимии и приема перечисления. Рассмотрим следующий пример: «...что еще ты нареку, вожа

⁶ Житие Стефана Пермского. Изд. Археографической комиссии. СПб., 1897, с. 38. (Далее ссылки на страницы этого издания приводятся в тексте).

⁷ F. M. Kitch. The literary style..., p. 192, 205.

заблуждшим, обретателя погыбшим, наставника прелщеным, руководителя умом ослепленным, чистителя оскверненным, вискателя расточеным, стража ратным, утешителя печальным, кормителя алчущим, подателя требующим, наказателя несмысленым, помощника обидимым, молитвенника тепла, ходатаа верна, поганым спасителя, бесом проклинателя, кумиром потребителя, идолом попирателя, богу служителя, мудрости рачителя, философии любителя, целомудрия делателя, правде творителя, книгам сказателя, грамоте пермстей писателя» (с. 106). В этом тексте присутствуют синонимические сочетания, составляющие как бы единое, нерасчлененное значение; употребление словосочетаний в этом примере аналогично использованию в Житии лексической синонимии как художественного приема. Можно выделить следующие синонимические группы: 1) вож заблуждшим, наставник прелщеным, руководитель умом ослепленным, наказатель несмысленым; 2) обретатель погыбшим, поганым спаситель; 3) кумиром потребитель, идолом попиратель; 4) мудрости рачитель, философии любитель.

Кроме синонимических, в этом тексте присутствуют и несинонимические сочетания. Нанизывание несинонимических сочетаний — пример приема полноты перечисления. Но в данном случае употребление этого приема отлично от приведенных ранее. Конкретизирующая информационная функция каждого несинонимического сочетания ослаблена, некоторые словосочетания близки между собой по значению, хотя и несинонимичны: «утешитель печальным», «помощник обидимым», «кормитель алчущим», «податель требующим». Несинонимические сочетания дополняют и уточняют являющиеся для этого отрывка Жития основными синонимические сочетания. Наблюдается совмещение двух приемов — синонимии и полноты перечисления, при этом синонимия как ведущий, основной художественный принцип произведения подчиняет себе прием полноты перечисления, происходит переход одного приема в другой. В результате конкретность контекста в целом почти утрачивается.

С синонимией как художественным принципом Жития Стефана Пермского связано использование приема стилистической симметрии. В широком смысле, как это отмечал Д. С. Лихачев,⁸ стилистическая симметрия — проявление синонимии. Тем не менее следует отличать одно от другого как разные стилистические явления. Понятие стилистической симметрии относится, с нашей точки зрения, только к сочетаниям, имеющим коммуникативный характер, к номинативным сочетаниям оно не приложимо. Основанием для отделения стилистической симметрии от контекстуальной синонимии в Житии Стефана Пермского является отсутствие значительной смысловой близости между опорными лексемами обеих частей текста. Сходство мыслей или общность мысли в обеих частях стилистически симметричной фразы, как правило, могут быть поняты из контекста в целом или для понимания стилистической симметрии необходимы какие-либо дополнительные сведения. Наоборот, контекстуальная синонимия предполагает смысловую близость, синонимичность опорных слов; для осознания сочетаний как синонимических добавочных данных или обширного контекста не требуется.

Рассмотрим несколько примеров синонимических сочетаний и стилистической симметрии. 1) «...ложе име ко мне любовь ею же мя возлюбил» (с. 102); 2) «...возьмется зело и смутися велми» (с. 92); 3) «...не зазрите ми грубости и не будите ми зазиратели» (с. 4); 4) «...уже бо не имам видети тя коли уже не имам прочем к тому узрети тя zde» (с. 101); 5) «...почто таите мене еже не утаится почто скрываете мене еже не

⁸ Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, с. 168—175.

⁹ Тр. отд. древнерусской литературы, т. XXXIV

укрыется» (с. 92). В первых трех примерах синонимические словосочетания образованы однокоренными опорными знаменательными словами; при этом вторые сочетания в каждом примере являются смысловыми повторами первых. В четвертом и пятом примерах синонимические сочетания иного рода — построенные на сходных по значению глаголах «видети—узрети», «тапти—скривати—укривати». Синтаксический параллелизм в каждом случае подчеркивает смысловое сходство обеих конструкций, фиксирует внимание на общности значений знаменательных глаголов, а не на их разнице.

Приведем примеры создания контекстуально синонимических сочетаний. 1) «...сам ся себе усрамляю и окаяю, сам ся обрыдаю и плачу» (с. 100). Значение глагола «окаяти» — «охуждати» создает лексическую синонимию «усрамляю — охуждаю» в первой фразе. Оба предложения, с первого взгляда, выражают разные мысли, но одно из значений глагола «окаять» — «оплакивать» сближает по смыслу обе фразы. Контекстуальная синонимия образуется за счет использования двух значений глагола «окаяти» и особой расстановки слов — этот глагол пограничный для обеих фраз. В этом примере ярко проявились два качества Епифания стилиста — использование семантического богатства слова и поразительное умение устранять стилистические швы. В тексте 2) «...уже бо межю нами межа велика сотворися, уже межю нами пропасть велика утвердися» (с. 101) опорные лексемы обеих фраз — существительные «межа» — «пропасть» и глаголы «сотворитися» — «утвердитися» не являются языковыми синонимами. Из значений слова «межа» (предел, граница, межа, расстояние) наиболее близко к слову «пропасть» значение «расстояние». Глаголы «сотворися» и «утвердися» не имеют общих значений, самые близкие значения этих слов «постановить», «устроить» — для глагола «сотворитися» и «установить» — для глагола «утвердитися». Эти значения не идентичны, но определенное семантическое сходство в них есть. Как и в предыдущем примере, синтаксический параллелизм обеих конструкций усиливает смысловое сходство обеих фраз. Сходство значений опорных слов, синтаксический параллелизм обеих конструкций, смысловое сходство обеих фраз позволяют считать их контекстуально синонимичными. Каковы функции синонимов и синонимических сочетаний в Житии Стефана Пермского? Во-первых, следует отметить вслед за Д. С. Лихачевым⁹ и Ф. Китч¹⁰ функцию усиления основного значения — она связана с общей абстрагирующей тенденцией Жития. Во-вторых, синонимы и синонимические сочетания служат для выражения исчерпывающей полноты характеристики. Как было отмечено, прием создания цепей синонимических сочетаний генетически связан с приемом полноты перечисления, эта связь и определила вторую функцию синонимов в Житии.

Приведем примеры стилистической симметрии: 1) «...но от всех сих (смертей, — М. А.) избавил тя есть господь бог»; 2) «...аще бо и не въгрузися копие в ребра твоя»; 3) «...аще и не посече меч главы твоя» (с. 103). Вторая и третья фразы образуют стилистическую симметрию: они выражают одну, а не две разных мысли, но понять это можно, если иметь в виду первую фразу, т. е. смысл стилистической симметрии ясен из контекста. Сходных по смыслу лексем, которые можно считать синонимами, в этом примере нет. В отрывке «...не вижу бо лица его в церкви, не вижу бо очию его в церкви» (с. 92) в обеих конструкциях выражена одна мысль, а не две, — это становится ясно из контекста: церковь пермская оплакивает смерть своего епископа Стефана Пермского

⁹ Д. С. Лихачев. Некоторые задачи изучения... с. 120—123.

¹⁰ F. M. Kitch. The literary style... p. 191.

и говорит об отсутствии его в церкви. Синонимов в этом примере, как и в предыдущем, также нет. В приведенных примерах синтаксический параллелизм усиливает, акцентирует явление стилистической симметрии, создает ритмичность речи. Тем не менее следует отметить, что синтаксический параллелизм — вполне самостоятельный стилистический прием и может встречаться в Житии Стефана Пермского отдельно от синонимии и стилистической симметрии. Например, в плаче церкви пермской: «Кто скажет чадом церковным яко осиротеша, кто возвестит певесте яко овдове» (с. 91).

В Житии Стефана Пермского встречается не только классический тип стилистической симметрии, образованной парными сочетаниями, как в приведенных примерах, но и усложненные в смысловом и композиционном отношении виды стилистической симметрии. Усложняясь, стилистическая симметрия образует амплификацию, т. е. стилистическое распространение. Амплификация, основанная на особой расстановке тропов, рассматривалась О. Ф. Коноваловой,¹¹ амплификация, основой которой является стилистическая симметрия, не привлекала внимания ученых.

Обратимся к следующему примеру: «...излия бо ся рече благодать в устех его, но обаче уже несть его, не слышу бо гласа его в церкви, устне его молчанием затвористася, уста его не глаголют, а еже излияся благодать вданая ему отлетела проч, глас его умолче, язык его преста глаголати» (с. 92). Основная мысль этого отрывка выражена девятью знаменательными словами из двадцати четырех, составляющих контекст в целом, т. е. почти две трети объема текста информативной нагрузки не несут, в смысловом отношении эта часть текста варьирует мысль, не изменяя ее, но замедляя ритм мысли, как бы задерживая ее. Стилистически эти две трети текста являются амплификацией, распространением. За счет каких художественных средств осуществляется амплификация? Наблюдается парная стилистическая симметрия внутри текста: 1) «...не слышу бо гласа его в церкви»; 2) «...устне его молчанием затвористася». Ко второму предложению примыкает близкое по смыслу выражение 3) «...уста его не глаголют». Сочетания «глас его умолче», «язык его преста глаголати», образующие парную внутриконтекстовую стилистическую симметрию, в широком смысле являются контекстуальными синонимами к первым трем фразам как единому смысловому комплексу. Весь отрывок отчетливо делится на две симметрические части, т. е. весь текст в целом являет пример парной симметрии, причем вторая часть по смыслу очень близка первой за счет лексических повторов «излия бо ся рече благодать в устех его... излияся благодать вданая ему» и приведенных выше симметрических сочетаний. Амплификация в этом тексте основана на явлении стилистической симметрии, а шире — на синонимии как художественном принципе.

В научной литературе обращалось внимание на особенности цитирования библейских текстов в Житии Стефана Пермского. О. Ф. Коновалова рассмотрела один из видов амплификации, состоящий в наизывании цитат, — цитатную амплификацию. Представляется, что цитатная амплификация основана на тех же художественных принципах, что и амплификация авторского, собственно епифаньевского текста. Приведем примеры: 1) «...мнози всташа на мя» (Пс. III, 1) (с. 20); 2) «...мнози борющиеся со мною» (Пс. CXXVIII, 1) (с. 20); 3) «...зубы их оружие и стрелы, язык их меч остр» (Пс. LVI, 5) (с. 20). Первая и вторая фразы, являющиеся цитатами из разных псалмов, в Житии Стефана Пермского выступают как контекстуальные синонимы. Третье выражение являет пример

¹¹ О. Ф. Коновалова. Об одном типе амплификации. ..., с. 73—80.

стилистической симметрии, характерной для Псалтири. Еще пример: 1) «... яко да возведу вся хвалы твоя в стране сей» (Пс. IX, 15), 2) «... и в людех тяжцех восхваляю тя» (Пс. XXXIV, 18) (с. 21). Обе фразы — цитаты из разных частей Библии, в житии они являются контекстуально синонимическими сочетаниями, основанными на употреблении однокоренных слов: «возведу хвалы — восхваляю». Эти примеры свидетельствуют, что стиль Епифания Премудрого — это не искусство новых тем, это искусство вариаций.

Какие художественные задачи решал Епифаний Премудрый путем широкого применения синонимов и синонимических сочетаний? В Житии Стефана Пермского таким образом была блестяще стилистически решена задача создания необычайной интенсивности, напряженности эмоций в рамках традиционных сюжетных положений. Эта задача была предопределена особенностями психологизма в Житии. Психологизм Епифания Премудрого не предполагает изображения богатства внутренних оттенков эмоций. Стереотипность сюжетных положений и мотивов жития предопределяет реакцию и автора, и персонажей, и читателей. Психологизм в Житии Стефана Пермского проявляется в интенсивности эмоционального переживания. Биография главного героя, Стефана, была стандартной биографией святого и не представляла возможности тонкой психологической нюансировки личности. Психологическое состояние героев не выявляется в их прямой речи — прямая речь по существу представлена монологами, она не индивидуализирована. Экспрессивность стиля не служит целям индивидуализации персонажей в Житии Стефана Пермского; «пермские люди» говорят примерно так же, как Стефан Пермский, как сам автор и, наконец, как условный персонаж — церковь пермская. Характер человека в целом не открыт еще в литературе второго южнославянского влияния, и неиндивидуализированность прямой речи — следствие этой черты художественной системы данного стиля.

Знаменитая схема трех плачей представляет особый интерес для рассмотрения психологизма Епифания Премудрого. Все три плача имеют одну общую тему — смерть главного героя жития, Стефана; но при этом в каждом плаче разрабатывается еще и своя, дополнительная, тема. Первый плач — плач «пермских людей» развивает и варьирует претензии «пермских людей» к Москве. «Пермские люди» жалуется, что гроб с телом Стефана Пермского остался в Москве, а не перевезен в Пермь, и пермяки лишены возможности почтить останки своего епископа. Во втором плаче — плаче пермской церкви наряду с темой смерти разрабатывается и другая, композиционно выделенная в плаче тема: обращение к Стефану Пермскому и просьба оберечь созданную им пермскую церковь от ересей; третий плач также имеет дополнительную тему — похвалу Стефану и поэтому называется «плач и похвала».

Психологизм Епифания включает в себя одну важную особенность — категорию «трагического переживания», связанного с темой смерти Стефана Пермского. Смерть главного героя осознается писателем в известной мере как трагическая ситуация. Трагизм смерти — тема, известная литургической письменности, проецирующаяся на события священной истории и связанная со смертью библейских персонажей. Тема трагизма смерти занимает в Житии Стефана Пермского очень большое место, имеет необычайно развитое стилистическое оформление и является лейтмотивом заключающих Житие плачей, сообщая им единый эмоциональный настрой. «Трагическое переживание» у Епифания Премудрого как бы отделено от личности, безлично: трагическая ситуация существует, но субъект «трагического переживания» абстрактный — это «пермские люди», пермская церковь. И только в плаче самого автора «трагическое переживание» те-

ряет сугубо отвлеченный характер и приобретает личный оттенок. Трагическое становится личностным и в известной мере индивидуальным в образе писателя, самого Епифания Премудрого. «Трагическое переживание» стилистически связано с литургической письменностью¹² и народными причитаниями.¹³ Очевидно, что осмысление смерти святого как ситуации только трагической противоречило христианской доктрине, и Епифаний не мог этого не ощущать. Богословская эрудиция приходит на помощь писателю — аналогии и цитаты из Священного писания призваны объяснить смысл смерти святого в масштабах всемирной, в том числе и священной, истории. «Но Павел гораздо учит, добре тешит, глаголя: „о умерших рече не печалуйте якоже и прочии не имуще надежа“ и паки рече: „утешайте печалныя, утешайте друг друга словесы утешительными“, и пророк Давид рече: „помянух бога и возвеселихся, возверзи на господа печаль свою и тои ты препитае“» (с. 96). Эти объяснения — в известном смысле разрешение, снятие «трагического переживания» в духе христианского понимания смерти как начала вечной жизни. Психологизм Епифания Премудрого с наибольшей силой проявляется в третьем, авторском, плаче. Плач содержит намеки автобиографические, упоминания о знакомстве писателя со Стефаном Пермским, детальную психологическую разработку образа автора. Но обилие характеристик не должно вводить в заблуждение: Епифаний Премудрый характеризует себя только как недостойного христианина. Психологические характеристики трафаретны по содержанию, повторяют друг друга по смыслу. И все же внимание к личности автора, стремление к обрисовке его образа является несомненной художественной новацией Жития Стефана Пермского сравнительно с агиографией предшествующего периода.

¹² М. Ф. Антонова. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго». — ТОДРЛ, т. XXVIII. Л., 1974, с. 148.

¹³ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго». — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, с. 85.